

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).04

РУССКО-КРЫМСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В XVI В.

THE RUSSIAN-CRIMEAN OPPOSITION IN XVI CENTURY

В.В. Пенской, Т.М. Пенская

V.V. Penskoj, T.M. Penskaja

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: penskoj@bsu.edu.ru, penskaja@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье авторы рассматривают эволюцию русско-крымских отношений на протяжении XVI в. от союза к открытой вражде и противостоянию. Русско-крымский союз, сложившийся при Иване III и Менгли-Гирее I, имел под собой весьма шаткие основания и был обречен на недолговечность. Однако анализ событий, последовавших за разрывом союзных отношений между Москвой и Крымом, показывает, что несмотря на все возрастающую враждебность с обеих сторон, от холодной войны до горячей в русско-крымских отношениях все же была определенная дистанция. Вызванная победой настроенной на ведение «священной войны» против бусурман «партии войны» при московском дворе активизация московской экспансии в Поволжье во 2-й половине 40-х гг. XVI в. обусловила переход Крыма к откровенно агрессивной политике по отношению к Москве. В последовавшей за этим «войне двух царей» Русское государство одержало победу, которая де-факто положила конец могуществу Крымского ханства и его имперским амбициям.

Abstract

The authors consider the evolution of Russian-Crimean relations from the union to the open hostility and confrontation during the 16th century. The Russian-Crimean alliance formed under Ivan the Great (Ivan III of Russia) and Mengli I Giray had very shaky foundation. For these reasons it was doomed to transience. However, the analysis of the events that followed the rupture of allied relations between Moscow and the Crimea shows that despite the ever-increasing hostility on both sides of the Cold War to Hot War in the Russian-Crimean relationship was still a certain distance. The "War Party" at the Moscow court has moved to an active foreign expansion Muslims in the Volga region in the 2nd half of the 40s XVI century. This expansion was fueled by ideas of a holy war against the Muslims and led Crimea transition to openly aggressive policy toward Moscow. In the ensuing "War of the two emperors" Russian state prevailed that de facto put an end to the power of the Crimean Khanate and its imperial ambitions.

Ключевые слова: Россия, Крым, русско-крымские отношения, русско-крымские войны, Иван Грозный, Девлет-Гирей I

Keywords: Russia, Crimea, the Russian-Crimean relations, the Russian-Crimean wars, Ivan the Terrible, the Devlet I Giray.

Со смертью в 1505 г. Ивана III, создателя Русского государства, по праву заслужившего от современников прозвище Грозного, практически совпавшей по времени с крушением Большой Орды, «Престольной державы», в истории Восточной Европы начал-

ся новый, «постордынский», этап – этап борьбы за раздел ордынского наследства. К началу XVI в. позиции Москвы в этом споре выглядели предпочтительнее, но это не устраивало главных конкурентов Русского государства – Крымского ханства и Великого княжества Литовского. И поскольку сын и преемник Ивана Василий III не имел еще такого же авторитета и влияния, то соседи Москвы решили пересмотреть сложившуюся политическую ситуацию. Первым подал пример казанский хан Мухаммед-Эмин, который еще в 1505 г., прослышав о болезни Ивана III, пошел на открытую конфронтацию с Москвой. В 1506 г., одержав победу над полками Василия III, Мухаммед-Эмин обратился с предложением о союзе против «московского» к великому князю литовскому Александру Казимировичу и крымскому хану Менгли-Гирею I [LietuvosMetrika, 1995, s. 56, 59]. И в Вильно, и в Крыму с воодушевлением встретили инициативу казанца, и хотя полноценной тройственной коалиции (к которой наследовавший Александру Сигизмунд I попытался было привлечь еще и Ливонский орден) так и не сложилось, тем не менее резкий поворот во внешнеполитическом курсе Крымского ханства обозначился более чем однозначно. Как писал отечественный историк В.П. Загоровский, «в 1504–1506 гг. наметилось, а с 1507 г. определилось принципиальное изменение политического курса Крымского ханства. С этого времени на долгие годы Крым стал врагом России...» [Загоровский, 1991, с. 46].

Итак, точкой отсчета, от которой можно вести историю растянувшегося почти на три столетия русско-крымского противостояния, можно считать 1507 г. В этом году крымский хан Менгли-Гирей I, бывший друг и союзник Ивана III, выдал по старой ордынской традиции (как «царь») великому князю литовскому Сигизмунду ярлык «на княжение». И среди прочих городов, пожалованных крымским «царем» своему «брату», были Тула, Брянск, Стародуб, Путивль, Рязань и даже Псков с Новгородом с «люди, тмы, города и села, и дани и выходы, и з землями и з водами и с потоками!» [LietuvosMetrika, 2011, s. 90].

Конечно, вслед за С.М. Соловьевым можно назвать эту заявку на великодержавие смешной и нелепой [Соловьев, 1989, с. 222], но это ошибка: такими претензии хана смотрятся только для нас, обладающих послезнанием. Василий же III и его советники пусть и не сразу, но отнеслись к этому ханскому демаршу вполне серьезно, тем более, что вслед за дарованием ярлыка хан заключил с Сигизмундом еще и союз быть «приятелю приятелем а неприятелю неприятельство чинити заодьно...» [LietuvosMetrika, 2011, s. 91–92]. И было почему – ведь после этого заявления дальнейшее развитие событий предугадать было не так уж и сложно. Молодому Русскому государству теперь предстояла долгая борьба сразу на несколько фронтов, поскольку никуда не делся старый противник Москвы – Великое княжество Литовское, да еще и в Казани, как уже было отмечено выше, образовалась сильная прокрымская «партия», настроенная против Москвы. Выиграть же такую войну, как показывает исторический опыт, не было суждено никому, даже самому могучему и сильному государству. И Смута начала XVII в. не в последнюю очередь была вызвана тем, что Русское государство надорвалось в этой тяжелейшей борьбе. Так что последствия столь резкого пируэта во внешней политике Крымского ханства оказались более чем судьбоносными для России.

Можно ли было избежать такого поворота событий, сохранить сложившийся при Иване III русско-крымский союз? Представляется, что нет, и на то были весьма веские объективные, прежде всего, причины. И главной из них было то обстоятельство, что этот союз носил временный, чисто ситуативный характер. Сложившийся в конце XV в., этот союз, острием своим направленный против Большой Орды, основывался на принципе «против кого дружить будем». К тому же в Крыму не испытывали особого восторга, наблюдая за стремительным ростом могущества и влияния своего северного партнера, поскольку это мешало реализации той идеи, которую вынашивал в своем сердце «царь» (а именно так именовали на Руси крымских правителей) Менгли-Гирей I, фактический создатель крымской государственности. Суть ее заключалась, по словам российского историка А.Л. Хорошкевич, в создании «огромного государства Золотой орды (TakhtMemleketi

в крымских документах) под эгидой Крыма, которое бы включало все территории кочевки ее бывшего главного соперника Большой орды...» [Хорошкевич, 2001, с. 100].

И сильное Русское государство (которому такой расклад был совсем не нужен – неспроста впоследствии Иван IV говорил ханским посланцам, что в случае успеха этого замысла Крым был бы только одной саблей, тогда как Казань другой, Астрахань – третьей, а ногаи – четвертой, и все они вместе «секли» бы Русскую землю [Виноградов, 2007, с. 235]) выступало препятствием на пути реализации этих далеко идущих планов по воссозданию татарской «империи» в ее прежних, по меньшей мере, границах.

Отметим также, что если экономика Казанского ханства или Ногайской Орды была связана с русской, и от торговли с русскими часть казанской или ногайской элиты имела вполне конкретные материальные выгоды и, следовательно, в их интересах было сохранить мир с Москвой, то торговые отношения Русского государства и Крыма были развиты не в пример слабее. А значит, в Крыму не могло сложиться влиятельной промосковской «партии», кровно заинтересованной в сохранении прежних добрососедских отношений.

К тому же исход политической борьбы при ханском дворе во многом определялся тем, насколько мощной была «подпитка», материальная и финансовая, той или иной «партии» извне. И скуповатая Москва, которая чрезвычайно щепетильно относилась к вопросам собственного политического престижа, опасалась, что регулярные и обильные поминки будут восприниматься в Крыму как символ признания Москвой своего вассального положения по отношению к Крыму. Не случайно Иван Грозный отписывал Девлет-Гирею, своему «брату», что он «дружбы у царя (крымского хана – *В.П., Т.П.*) не выкупает, а похочет с ним царь мириться по любви, и царь и великий князь (Иван – *В.П., Т.П.*) с ним миру хочет по прежним обычаем...» [Патриаршая или Никоновская летопись, 2000, с. 242]. Между тем в Вильно рассуждали иначе, и Аппак-мурза, глава «московской партии» при дворе Мухаммед-Гирея I, жаловался в 1518 г. в Москву, что де «от короля черленое золото, белое серебро льется», советуя Василию срочно прислать в Крым «доброе своего боярина» с «добрыми поминками с прибавкою» [См., к примеру: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею, 1895, с. 497]. Одним словом, когда в 1502 г. государство Ахматовичей окончательно рассыпалось, когда общего могущественного врага, против которого объединились молодое Русское государство и Крым, не стало, конфронтация между двумя государствами стала неизбежной и переход от дружественных отношений к открытой враждебности был лишь вопросом времени.

Эта неизбежность не сразу обратилась в реальность – инерция прежнего мышления на первых порах оказалась достаточно велика, да и обе стороны не стремились перевести конфликт из холодной в горячую стадию, рассчитывая сначала добиться желаемого посредством дипломатии. Как отмечал отечественный историк И.В. Зайцев, после смерти Ивана III и постепенного отхода от дел дряхлеющего Менгли-Гирея «и Крым, и Москва часто вели друг с другом двойную игру, лавируя и виляя, отрицая очевидные истины и стремясь убедить противника в заведомой дезинформации» [Зайцев, 2004, с. 82]. Правительство Василия III стремилось, не обременяя себя чрезмерными расходами и тем более обязательствами, повернуть острие татарского «последнего довода королей» против Литвы (с которой Василий воевал с 1512 г. и конца-края этой войне не предвиделось), а преемник Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей I стремился добиться помощи Москвы в реализации мечты своего отца – собрать под рукой крымских Гиреев осколки Золотой Орды, и прежде всего подчинить Астраханское ханство и ногаев. При этом обе стороны не особенно стеснялись в выборе средств для достижения поставленных целей.

Обращает на себя внимание тот факт, что, укрепляя на всякий случай южные рубежи своей державы, Василий III на этом направлении придерживался сугубо оборонительной стратегии – он отнюдь не собирался переориентировать главный вектор своих внешнеполитических усилий с западного на южное направление. Этого не случилось даже после того, как в 1521 г. Мухаммед-Гирей, недовольный тем, что его московский партнер медлит с исполнением своих обещаний, разорвал шерть с Василием и двинул свои рати на

Москву. Успех тогда сопутствовал крымскому «царю». Растерявшийся и упавший духом Василий III бежал из Москвы, а оставленный «на хозяйстве» в столице его зять, крещеный татарский царевич Петр, был вынужден дать Мухаммед-Гирею грамоту, согласно которой московский государь обязывался стать данником крымского «царя». И хотя она была очень скоро Мухаммед-Гиреем утрачена, память об этом обещании великого князя прочно впечаталась в сознание крымской правящей элиты, которая была не прочь повторить успех Мухаммед-ГиреяI снова и снова.

Помнили об этом и в Москве, и уже в следующем, 1522-м году, Василий III, прознав про угрозу Мухаммед-Гирея снова явиться под стены русской столицы, развернул на берегах Оки большое войско и послал к хану гонцов, «вызывая его на битву, потому что в прошлом году он (Василий) подвергся нападению без объявления войны, из засады, по обычаю воров и разбойников». Крымский хан, руководствуясь принципом «никогда не делай то, что хочет неприятель», ответил великому князю, что «для нападения на Московию ему известно достаточно дорог и что войны решаются оружием столько же, сколько и обстоятельствами, поэтому он привык вести их по своему усмотрению, а не почужому» [Герберштейн, 2008, с. 425]. Взаимно непримиримая позиция сторон обещала продолжение конфликта, но, к счастью для Москвы, в следующем, 1523 году Мухаммед-Гирей захватил было Астрахань, но был убит там ногаями, которые затем подвергли безжалостному погрому собственно крымский юрт.

Следствием этого погрома стала долгая «замятня» в Крым и ослабление ханской власти. В определенном смысле повторилась ситуация времен великой ордынской «замятни», когда политическая нестабильность внутри Орды спровоцировала рост нестабильности и на русско-ордынском пограничье. Так и сейчас: не сдерживаемые больше из Кыркора, многочисленные крымские «царевичи, и сеиты, и уланы и князья», кликнув не менее многочисленных «казаков», на свой страх и риск отправлялись «за зипунами» на государеву украину. Началась практически непрерывная «малая» война. И эта пограничная, «украинная» «малая» война с летучими отрядами крымцев, которые, по выражению английского дипломата Дж. Флетчера, «кружась около границы подобно тому, как летают дикие гуси, захватывая по дороге все и стремясь туда, где видят добычу...» [Флетчер, 1991, с. 90], не прекращалась на протяжении многих последующих лет. Стоит отметить, что налеты небольших отрядов татарских людоловов времена перемежались большими экспедициями во главе с крымскими «царевичами» [См., например: Пенской, Пенская, 2015, с. 345–356; Пенской, Пенская, 2016, с. 552–569].

Однако эта «малая» война при всей ее болезненности не носила для Москвы фатального характера, тем более что нечто подобное происходило и на литовском рубеже, и на казанском. И Василий III вместе с боярами решили все же не менять ориентиры во внешней политике. Западное, «литовское» направление оставалось главным, а восточное и южное, «татарские», по отношению к первому второстепенными. Действия Москвы здесь были продиктованы стремлением не допустить формирования под крымской эгидой единого татарского «фронта» с антимосковской направленностью. Если бы возникла такая коалиция, то Василию пришлось бы отказаться от своих планов продолжить экспансию на западе (между тем, как полагает М.М. Кром, в начале 30-х гг. Россия и Литва находились на грани войны, и действия Василия III как будто подтверждают эту версию [См., например: Кром, 2008, с. 20–23; Пенской, 2016, с. 302–315]). Потому-то все усилия Москвы были нацелены на то, чтобы не допустить возникновения такого союза. Для этого она активно вмешивалась в крымскую «замятню», поддерживая Саадет-Гирея, преемника Мухаммед-Гирея, но одновременно не забывая «прикармливать» и его соперника Ислам-Гирея, искусно играла на противоречиях между «московской» и «крымской» «партиями» в Казани (и не останавливаясь перед военными демонстрациями, которые должны были привести на казанский стол «московского» хана), привечала ногайских мирз (памятуя о старинной вражде ногаев и крымцев), сколачивая и здесь «московскую» «партию». Т. о., можно с достаточно высокой степенью уверенности говорить о том, что в целом московская стратегия на этом направлении

оставалась оборонительной, и глобальных задач по окончательному решению татарского вопроса в Москве не ставили – но до поры до времени.

Эта пора наступила в начале 40-х гг. XVI в. Бурные политические пертурбации и скоротечные перемены на московском политическом Олимпе, последовавшие за безвременной кончиной матери Ивана IV Елены Глинской, железной рукой управлявшей государством за малолетнего сына, привели к смене внешнеполитического вектора. Складывается впечатление, что к сер. 40-х гг. в Москве политически возобладали «партия войны», поставившая своей целью решение татарского вопроса и, соответственно, перенос главных внешнеполитических усилий на восточное и южное направления. Учитывая «неустойчивое равновесие» (М.М. Кром) боярских кланов при великокняжеском дворе в это время [Кром, 2010, с. 314], трудно не согласиться с мнением А.И. Филюшкина, который предполагал, что виновником (если не единственным, то, во всяком случае, одним из главных) этой перемены был митрополит Макарий [См., например: Филюшкин, 2000, с. 328]. Именно он (вместе с новгородским архиепископом Феодосием, сменившим Макария на новгородской кафедре, и небезызвестным Сильвестром, царским наставником) всячески будировали идею «священной войны», своего рода крестового похода против бусурман [См., например: Сильвестр, 1874, с. 69–87], привнеся тем самым в московскую внешнюю политику, доселе достаточно прагматичную, элемент идеологической нетерпимости. В этой связи обращает на себя внимание, с одной стороны, явный отказ Москвы на возобновление конфронтации с Великим княжеством Литовским – заключенное в 1537 г. по итогам Стародубской войны перемирие продлевалось в 1542, 1549, 1554 и 1556 гг., и это несмотря на то, что определенная напряженность в отношениях между двумя государствами продолжала сохраняться. Более того, в начале 50-х гг., по мере эскалации конфликта на южном направлении, в Москве постепенно кристаллизуется идея заключения русско-литовского антикрымского союза, ради которого Иван IV был готов пойти на серьезные уступки Вильно [См., например: История внешней политики России. Конец XV – XVII век, 1999, с. 153–156]. С другой стороны, на 2-ю половину 40-х гг. XVI в. приходится активизация контактов Москвы с Империей – знаменитая миссия немецкого авантюриста Г. Шлитте. Любопытно, что Шлитте, выступая в роли неофициального эмиссара Ивана IV¹, зондирует в Вене почву на предмет заключения союза между Империей и Русским государством, острием своим направленного против Османской империи. Вряд ли все это было простым совпадением!

Что послужило причиной столь резкого поворота в московской внешней политике? Можно, конечно, предположить, что наряду с религиозным фактором свою роль сыграла и «малая» война на пограничье, в особенности на пограничье казанском, и явная угроза со стороны Крыма, где к концу 30-х гг. XVI в. затянувшийся период политической нестабильности завершился. Пришедший к власти энергичный и властный Сахиб-Гирей I, брат Мухаммед-Гирей I, занял по отношению к Москве явно недружелюбную позицию [Флоря, 2001, с. 238–239], а в 1541 г. он предпринял большой поход на государеву украину, явно намереваясь повторить успех своего брата [Подробнее см.: Пенской, 2011, с. 41–47].

Это нашествие с большим трудом было отражено, но угроза осталась, и к тому же, чувствуя поддержку со стороны Кыркора, в Казани подняла голову «крымская» «партия», что немедленно сказалось на положении на восточной границе. Во всяком случае, складывается впечатление, что в Москве постепенно пришли к выводу, что прежние методы «мягкой силы» перестали действовать, и восточная политика Русского государства к концу 40-х гг. приобретает все более и более агрессивный, экспансионистский характер. Иван IV лично возглавляет два похода на Казань (оба, правда, закончились неудачей), а московские дипломаты активно сколачивают «московскую» партию в Ногайской Орде,

¹ Высказанное А.И. Филюшкиным мнение о том, что Шлитте действовал на свой страх и риск (и, выходит, фактически был самозванцем), на наш взгляд, представляется недостаточно обоснованным и подвергает сомнению квалификацию и профессионализм имперских дипломатов [См.: Филюшкин, 2015, с. 38–42].

имея стратегической целью создание антикрымской коалиции в составе Русского государства, ногаев и, возможно, Астраханского ханства.

Неожиданная активизация восточной политики Москвы, ее четко обозначившееся стремление подчинить своему влиянию Казань, Астрахань и ногаев, линия на замирение с Великим княжеством Литовским и прощупывание возможных путей заключения антиосманского союза с Империей неизбежно вели, в случае успеха, к серьезному изменению расстановки сил в Восточной Европе и усилению позиций Русского государства. Все это не могло не вызвать серьезной обеспокоенности в Стамбуле – у султана и без того хватало трудностей в Средиземноморье и на Кавказе, чтобы тратить силы на решение неожиданно проблем в Восточной Европе. Не желая раньше времени вступать в конфликт с Москвой, султан решил перепоручить «мониторинг» (и принятие, в случае чего, необходимых мер) за ситуацией в Восточной Европе, крымскому хану. Сахиб-Гирей, недостаточно внимательно прислушивавшийся, по мнению Стамбула, к намекам, исходившим от османского двора (вероятно, Сахиб-Гирей полагал, что для сдерживания активности Москвы будет достаточно иметь на казанском столе «своего» «царя»), был свергнут в результате дворцового переворота и удушен. Сменившему его Девлет-Гирею I, племяннику покойного, в феврале 1552 г. султан выдал карт-бланш на активные противодействие попыткам Москвы усилиться за счет татарских юртов [Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции, 2008, с. 103, 104].

Пожелание падишаха совпало с мнением Вильно, не жалевшему усилий и денег по разжиганию русско-крымского конфликта, и с позицией многочисленных казанских эмигрантов, которые, найдя общий язык с «партией» войны при ханском дворе, давили на хана, требуя от него более активно противодействовать неверному москвиту. Мог ли осторожный и не любящий поспешных решений, предпочитающий добиваться своих целей больше дипломатией и интригами, нежели силой, Девлет-Гирей противостоять такому давлению, тем более что Москва не собиралась «выкупать» ханской дружбы? Более того, после покорения Казани и Астрахани и победы во внутринагайской «заворошне» нурадина Исмаила, ориентировавшегося на русскую столицу, в Москве решили посадить на крымский престол «своего» хана. «Война двух царей» стала неизбежной.

2-я половина 50-х – начало 60-х гг. XVI в. прошли под знаком непрерывного московского наступления на Крым, который к тому же серьезно претерпел от обрушившихся на него засухи, голода и эпидемий (князь А. Курбский писал позднее, что в то время в самом Крыму из-за засухи, голода и мора осталось не более 10 тыс. всадников [Курбский, 1913, стб. 79]). Увы, «дожать» хана (и тем более реализовать свой первоначальный замысел) Ивану Грозному не удалось. Во многом неудача его (?) замысла был предопределен позицией Сигизмунда II Августа, которому любой успех Москвы в борьбе с Крымом был абсолютно неприемлем. В Вильно были убеждены в том, что, по словам воеводы подляшского и старосты минского В. Тышкевича, как только Иван одолеет Девлет-Гирея, «и вам (москвитам – В.П., Т.П.) не на ком пасти, пасти вам на нас (литовцев – В.П.)...» [Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, 1887, с. 577]. И когда стало окончательно ясно, что новой войны с Великим княжеством Литовским не избежать, когда провал попыток заключить с Вильно «Вечный мир» и антикрымский союз стал очевиден, в Москве поняли – сделанный в сер. 40-х гг. выбор был ошибкой. И известную фразу из послания Ивана Грозного князю Курбскому, ту самую, в которой царь писал, «**что же убо и ваша победа, яже Днепром и Доном? Колико убо злая истощания и пагуба христианом содеяшеся** (выделено нами – В.П., Т.П.), сопротивным же не малыя досады! ...» [Послания Ивана Грозного, 2005, с. 48], надо истолковывать именно как обвинение, выдвинутое Иваном Боярской думе и митрополиту Макарию, своим недостаточно продуманным решением фактически втянувшим Россию в войну на два фронта – и против Великого княжества Литовского, и против Крыма (за спиной у которого, между прочим, стоял Стамбул – не последняя военная держава той эпохи).

Пытаясь найти выход из сложившейся чрезвычайно сложной ситуации, Иван Грозный пошел на свертывание военной активности на южном направлении. Войска, действовавшие в низовьях Дона и Днепра, были отозваны (во всяком случае, после 1561 г. о них ничего не слышно), чрезвычайно беспокоивший крымцев Псельский городок (база, с которой царские воеводы Матвей Ржевский и Данила Адашев ходили походами на Крым и который вполне мог сыграть в наступлении на Крым роль, которую в кампаниях против Казани играли Васильсурск и Свияжск). Не получил развития и русско-ногайский союз, на который в Москве на первых порах возлагали столь большие надежды (а после смерти московского ставленника ногайского бия Исмаила союз этот и вовсе сошел на нет). В итоге весной 1563 г. после долгого перерыва в Крым отправляется посольство А.Ф. Нагого, который, по мнению А.И. Филюшкина, должен был «добиться мира на южной границе, получить гарантии ненападения татар и напугать Сигизмунда» [Филюшкин, 2008, с. 311]. Демонстрируя свое расположение к Девлет-Гирею, царь наказывал Нагому передать хану, что он возложил опалу на тех, кто ссорил его прежде с крымским «царем», прежде всего на А.Ф. Адашева, И.М. Висковатого и И.В. Большого Шереметева (фигура последнего, по справедливому замечанию А.И. Филюшкина, в отношениях между Москвой и Крымом к тому времени приобрела знаковый характер [Филюшкин, 2008, с. 313]). При этом Иван не забыл и про кнут – вряд ли случайным было то, что посольство Нагого должно было доставить хану известие-сеунч о внушительной победе русских над литовцами, взятии Полоцка, и подарки, свидетельствующие об этой победе.

Увы, было слишком поздно. Сам Девлет-Гирей был не прочь разрешить накопившиеся к тому времени проблемы путем переговоров и даже шертовать Москве. Однако против этого была набравшая силу в годы московского наступления «партия войны», воинственное настроение которой подпитывалось не только богатыми подарками из Вильно и негласной поддержкой Стамбула, но и вполне обоснованным недоверием к русским предложениям. Так, Сулеш-мурза, считавшийся московским доброхотом [О Сулеше и его роли в русско-крымских отношениях см., например: Виноградов, 2006, с. 26-73], сообщал Афанасию Нагому, что «было у царя слово от царевичев и ото князи и ото всее земли, что царю со царем и великим князем миритись не велят, что взял два юрта мусульманские да немцы взял; ино, деи, поминки дает царю того для – хотя короля извоевати; а как извоюет, и крымскому, деи, юрту от него не пробыти: казанцом де шубы давал – и тем бы шубам крымцы не радовалися – после, деи, того и Казань взял...» [Цит. по: Садииков, 1947, с. 145].

Не учитывать мнение влиятельной и многочисленной части крымской элиты хан не мог. И, подвергаясь мощному давлению со стороны «партии войны», Девлет-Гирей, памятуя о печальной судьбе своего предшественника, в конечном итоге не решился пойти навстречу Ивану, тем более что русский царь не горел желанием перебивать литовские ставки в «крымском аукционе», продолжая упорно гнуть озвученную ранее линию не выкупать ханской дружбы и приязни. В итоге очередной раунд русско-крымских переговоров завершился неудачей. Еще в процессе переговоров дважды, в 1564 и 1565 гг., Девлет-Гирей совершил успешные набеги на государеву «украину», а после того, как в 1566 г. переговоры окончательно были сорваны из-за взаимной неуступчивости сторон, стало очевидно – нового витка напряженности в отношениях между Москвой и Крымом не избежать. И наступающей стороной на этот раз стал Крым.

Главными событиями этого нового этапа русско-крымского противостояния стали два похода Девлет-Гирея I на Москву, предпринятые в 1571 и 1572 гг. [См., например: Пенской, 2012 (1), с. 175–261; Пенской, Пенская, 2013, с. 183–226]. Убедившись в том, что все прежние попытки вынудить Ивана Грозного пойти на желаемые Крыму уступки оказались безуспешными, Девлет-Гирей решил продемонстрировать несговорчивому партнеру свою силу и тогда вернуться к обсуждению интересующих Бахчисарай проблем – прежде всего казанской и астраханской. Попутно хан рассчитывал дать возможность своим мурзам и воинам обогатиться, нахватав русского ясыря, и улучшить свою

репутацию в глазах Стамбула (где после провала астраханской экспедиции 1569 г. стали подозревать, и не без оснований, хана в том, что он пытается вести собственную игру).

В Москве предполагали, что хан может предпринять большой набег, и готовились к этому и дипломатическим (так, в Стамбул к сюзерену Девлет-Гирея было отправлено посольство) и военным образом (на берегу заблаговременно была развернута 35–40-тыс. армия, а сторожевая служба в Поле была подвергнута реорганизации). Однако из-за ошибок государевых воевод вся подготовка пошла насмарку – в решающей битве под стенами Москвы 24 мая 1571 г. русские полки потерпели поражение – пусть и не сокрушительное, но достаточно болезненное. Однако не эта победа стала главным итогом кампании для крымского «царя» – в ходе сражения в русской столице начался пожар, переросший в грандиозную катастрофу, испепелившую город. Хан, пораженный зрелищем огненной бури, отвел свои войска от пылающей Москвы. Похоже, что он не был готов к столь радикальному повороту событий – Девлет-Гирей вел свое воинство просто пограбить государеву украину, и победа под стенами Москвы над русскими поклами застала его врасплох. И, подобно Ганнибалу после Канн, Девлет-Гирей не стал развивать свой успех, добивать своего врага и вынуждать его на пепелище собственной столицы подписывать капитуляцию. Он или испугался своей победы, или решил не загонять Ивана в угол, отрезая ему всякие пути отступления. Потому хан и приказал отступить к югу, распустив по дороге домой «войну».

Еще на обратном пути в Крым Девлет-Гирей отправил к Ивану IV свое посольство, стремясь выжать из своей победы максимум возможного. Однако Иван Грозный, оправившись от первоначального шока, разыграл перед татарскими послами спектакль, «нарядился в сермягу, бусырь да в шубу боранью и бояря. И послом отказал: “Видишь де меня, в чем я? Так де меня царь зделал! Все де мое царьство вышленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!”...» [Пискаревский летописец, 1978, с. 191–192]. Вместе с тем он, пытаясь выиграть время, выразил готовность уступить хану Астрахань при условии заключения военного союза или, в крайнем случае, совместном посажении ханов на астраханский трон.

Девлет-Гирея такое предложение не удовлетворило – он ожидал большего, и потому начал готовиться к новому походу. В Москве не строили иллюзий относительно намерений крымского «царя» и всю осень, зиму и весну 1571–1572 гг. деятельно готовились к отражению неизбежного вторжения татар. И к лету 1572 г. эта подготовка была завершена – собрана тридцатитысячная рать во главе с опытным военачальником князем М.И. Воротыньским, важнейшие броды на Оке были надежно перекрыты и укреплены, собраны необходимые запасы снаряжения, провианта и фуража, исправлены и приведены в готовность укрепления «украинных» городов, а в Поле высланы сторожи. Осталось только дожидаться выступления хана.

И Девлет-Гирей не стал медлить. На этот раз он не стал хитрить, а в «силе тяжце», насчитывавшей 40–50 тыс. чел., с пехотой и артиллерией, двинулся по Муравскому шляху прямо на Москву. В субботу 26 июля 1572 г. авангарды крымской армии вышли к Оке в районе Серпухова и с ходу уперлись в русские укрепления по левому берегу реки. Два дня русские сдерживали попытки татарского войска переправиться через реку, а 28 июля, когда неприятелю все же удалось в двух местах форсировать Оку, Воротыньский отдал приказ отступить к северу, на заранее намеченные позиции у села Молоди. Здесь и состоялось многодневное генеральное сражение, которое, собственно, и подвело итог длительному русско-крымскому противостоянию [См.: Пенской, 2012 (1), с. 127–236]. Не сумев сломить сопротивление русских войск, хан был вынужден бесславно вернуться в Крым.

События лета 1572 г. фактически положили конец не только «войне двух царей», которая началась два десятка лет назад. Здесь, на ближних подступах к Москве, рухнули надежды крымской правящей элиты вернуть себе доминирующее положение в Восточной Европе и воссоздать ордынскую империю. Стоит обратить внимание в этой связи, что злейшие и непримиримейшие враги Ивана Грозного король Речи Посполитой Стефан Баторий и коронный канцлер и гетман Ян Замойский на пике своих военных успехов во время Московской войны 1578–1582 гг., имея дело с ослабленной многолетней войной

Россией, так и не смогли создать реальную угрозу непосредственно Москве. Девлет-Гирею это удалось дважды, и можно только догадываться, как бы развивались события в том случае, если при Молодях хану удалось бы одержать еще одну победу.

Но этого не случилось. И хотя Крымское ханство еще долго будет представлять серьезную опасность, с которой Москве приходилось считаться (а в 1591 г. сын Девлет-Гирея Гази-Гирей II попытался было пойти по стопам отца, но был разбит под стенами Москвы и бежал в Крым [См.: Пенской, 2010, с. 16–29]), пик его могущества остался позади. И то, что Крым, в отличие от Казани или Астрахани, продержался после Молодинской кампании еще почти два столетия, отнюдь не его заслуга, а, скорее, русской Смуты и Речи Посполитой вместе со Швецией, вмешавшихся в нее и вынудивших в итоге Москву надолго отказаться от экспансии в южном направлении.

Список литературы References

1. Виноградов А.В. 2006. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. В кн.: Тюркологический сборник 2005: тюркские народы России и Великой степи. М., Восточная литература. 26–73.
Vinogradov A.V. Rod Sulesha vo vneshney politike Krymskogo khanstva vtoroy poloviny XVI v. In: Tyurkologicheskiy sbornik 2005: tyurkskie narody Rossii i Velikoy stepi. M., Vostochnaya literatura, 2006. 26–73. (in Russian)
2. Виноградов А.В. 2007. Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Ч. II. М., ИРИ РАН. 342.
Vinogradov A.V. 2007. Russko-krymskie otnosheniya 50-e – vtoraya polovina 70-kh godov XVI veka. Ch. II. M., IRI RAN. 342. (in Russian)
3. Герберштейн С. 2008. Записки о Московии. М., Памятники исторической мысли. Т. I. 776.
Gerbershteyn S. 2008. Zapiski o Moskovii. M., Pamyatniki istoricheskoy mysli. T. I. 776. (in Russian)
4. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлекранилищ Турции. 2008. Казань, Гасыр. 464.
Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI – XIX vekov iz drevlekhranilishch Turtsii. 2008. Kazan', Gasyr. 464. (in Russian)
5. Загоровский В.П. 1991. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, изд-во Воронежского университета. 272.
Zagorovskiy V.P. 1991. Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta. 272. (in Russian)
6. Зайцев И.А. 2006. Астраханское ханство. М., Восточная литература. 303.
Zaytsev I.A. 2006. Astrakhanskoe khanstvo. M., Vostochnaya literature. 303. (in Russian)
7. История внешней политики России. Конец XV – XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны). 1999. М., Международные отношения. 448.
Istoriya vneshney politiki Rossii. Konets XV – XVII vek. (Ot sverzheniya ordynskogo iga do Severnoy voyny). 1999. M., Mezhdunarodnye otnosheniya. 448. (in Russian)
8. Кром М.М. 2010. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30 – 40-х годов XVI в века. М., Новое литературное обозрение. 888.
Krom M.M. 2010. «Vdovstvuyushchee tsarstvo»: Politicheskiy krizis v Rossii 30 – 40-kh godov XVI v veka. M., Novoe literaturnoe obozrenie. 888. (in Russian)
9. Кром М.М. 2008. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М., Рубежи XXI. 140.
Krom M.M. Starodubskaya voyna (1534–1537). Iz istorii russko-litovskikh otnosheniy. M.: Rubezhi XXI, 2008. 140. (in Russian)
10. Курбский А.М. 1913. История о великом князе Московском. СПб., издание Императорской Археографической Комиссии. 194.
Kurbskiy A.M. 1913. Istoriya o velikom knyaze Moskovskom. SPb., izdanie Imperatorskoy Arkheograficheskoy Kommissii. 194. (in Russian)
11. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. 1895. В кн.: Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 95. СПб., тов. «Печатня С.И. Яковлева». 788.

Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymom, Nagayami i Turtsiyeyu. T. II. 1508–1521 gg. 1895. V kn.: Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva. T. 95. SPb., tov. «Pechatnya S.I. Yakovleva». 788. (in Russian)

12. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 2 (1533–1560)/ 1887/ В кн.: Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 59. СПб., тип. Ф. Елеонского и К. 692.

Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom. Ch. 2 (1533–1560)/ 1887/ V kn.: Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva. T. 59. SPb., tip. F. Eleonskogo i K. 692. (in Russian)

13. Пенской В.В. 2012 (1). Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., Вече. 320.

Penskoj V.V. 2012 (1). Ivan Groznyy i Devlet-Girey. M., Veche. 320. (in Russian)

14. Пенской В.В. 2010. Последний бой: нашествие крымского хана Гази-Гирея II на Москву в 1591 г. История в подробностях. 5 (ноябрь). 16–29.

Penskoj V.V. 2010. Posledniy boy: nashestvie krymskogo khana Gazi-Gireya II na Moskvu v 1591 g. Istoriya v podrobnostyakh. 5 (noyabr'). 16–29. (in Russian)

15. Пенской В.В. 2012 (2). Сражение при Молодях 28 июля 3 августа 1572 г. // История военного дела: исследования и источники. Т. II. 127–236. Электронное издание. Режим доступа: http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1

Penskoj V.V. 2012 (2). Srazhenie pri Molodyakh 28 iyulya 3 avgusta 1572 g. // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. T. II. S. 127–236. Elektronnoe izdanie. Rezhim dostupa: http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1. (in Russian)

16. Пенской В.В. 2016. Черкасское сидение. В кн.: Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть IV. СПб., ВИМАиВС 302–315.

Penskoj V.V. 2016. Cherkasskoe sidenie. In: Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Sed'moy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 18–20 maya 2016 goda. Chast' IV. SPb., VIMa i VS. 302–315. (in Russian)

17. Пенской В.В. 2011. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...». Стояние на Оке в 1541 году. Военно-исторический журнал. 12. 41–47.

Penskoj V.V. 2011. «Tsar' krym'skiy prishel ko bregu Oki-reki s velikoyu pokhvaloyu i s mnozh'stvom v'in'stva svoego...». Stoyanie na Oke v 1541 godu. Voенно-istoricheskij zhurnal. 12. 41–47. (in Russian)

18. Пенской В.В., Пенская Т.М. 2015. «Исланова стравка» // Золотоордынская цивилизация. 8. 345–356.

Penskoj V.V., Penskaya T.M. 2015. «Islanova stravka». Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. 8. 345–356. (in Russian)

19. Пенской В.В., Пенская Т.М. 2016. Набег Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на «берег» летом 1533 г. Золотоордынское обозрение. Т. 4. 3. 552–569.

Penskoj V.V., Penskaya T.M. Nabeg Islam-Gireya i Safa-Gireya na «bereg» letom 1533 g. Zolotoordynskoe obozrenie. T. 4. 3. 552–569. (in Russian)

20. Пенской В.В., Пенская Т.М. 2013. «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. История военного дела: исследования и источники. Т. IV. 183–226. Электронное издание. Режим доступа: http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoj-penskaya_1.

Penskoj V.V., Penskaya T.M. 2013. «Yaz dei deda svoego i pradeda nyne zdelal lutchi...»: pokhod Devlet-Gireya I i sozhzhenie Moskvyy v mae 1571 g. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. T. IV. 183–226. Elektronnoe izdanie. Rezhim dostupa: http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoj-penskaya_1. (in Russian)

21. Патриаршая или Никоновская летопись. 2000. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М., Языки русской культуры. 544.

Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'. 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XIII. M., Yazyki russkoy kul'tury. 544. (in Russian)

22. Пискаревский летописец. 1978. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., Наука. 31–220.

Piskarevskiy letopisets 1978. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 34. M., Nauka. 31–220. (in Russian)

23. Послания Ивана Грозного. 2005. СПб., Наука. 715.
Poslaniya Ivana Groznogo. 2005. SPb., Nauka. 715. (in Russian)
24. Садииков П.А. 1947. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Исторические записки. Вып. 22. – 153.
Sadikov P.A. 1947. Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g. Istoricheskie zapiski. Vyp. 22. 133-153. (in Russian)
25. Сильвестр. 1874. Послание к царю Ивану Васильевичу. Чтения общества изучения древних рукописей. Кн. 1. М. I. Исследования. С. 69–87.
Sil'vestr. 1874. Poslanie k tsaryu Ivanu Vasil'evichu. Chteniya obshestwa izucheniya drevnih rukopisey. Kn. 1. M. I. Izsledovaniya. S. 69–87. (in Russian)
26. Соловьев С.М. 1989. История России с древнейших времен. Т. 5. В кн.: Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., Мысль. 783.
Solov'ev S.M. 1989. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T. 5. In: Solov'ev S.M. Sochineniya v vosemnadtsati knigakh. Kn. III. M., Mysl'. 783. (in Russian)
27. Филюшкин А.И. 2000. Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию». В кн.: Герменевтика русской литературы. Сб. 10. М., ИМЛИ РАН, «Наследие». 327–346.
Filyushkin A.I. 2000. Gramoty novgorodskogo arkhiepiskopa Feodosiya, posvyashchennye «Kazanskomu vzyatiyu». In: Germenevtika russkoy literatury. Sb. 10. M., IMLI RAN, "Nasledie". 327–346.
28. Филюшкин А.И. 2015. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е годы. М., Фонд «Русские витязи». 72.
Filyushkin A.I. 2015. Zakat severnykh krestonostsev: «Voyna koad'yutorov» i bor'ba za Pribaltiku v 1550-e gody. M.: Fond «Russkie vityazi». 72. (in Russian)
29. Филюшкин А.И. 2008. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны/ В кн.: «В кратких словесах многой разум замыкающее...». Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб., Изд-во СПбГУ. 316–337.
Filyushkin A.I. 2008. Proekty russko-krymskogo voennogo soyuza v gody Livonskoy voyny. In: «V kratkikh slovesakh mnogoy razum zamykayushchee...». Trudy kafedry istorii Rossii s drevneyshikh vremen do KhKh veka. T. II. SPb., Izd-vo SPbGU. 316–337. (in Russian)
30. Флетчер Дж. 1991. О государстве Русском. В кн.: Проезжая по Московии (Россия XVI – XVII веков глазами дипломатов). М., Международные отношения. 25–138.
Fletcher Dzh. 1991. O gosudarstve Russkom. In: Proezhaya po Moskovii (Rossiya XVI – XVII vekov glazami diplomatov). M., Mezhdunarodnye otnosheniya. 25–138. (in Russian)
31. Флоря Б.Н. 2001. Две грамоты хана Сахиб-Гирея. В кн.: Славяне и их соседи. Вып. 10. М.: Наука. С. 238–239.
Florya B.N. 2001. Dve gramoty khana Sakhib-Gireya In: Slavyane i ikh sosedi. Vyp. 10. M., Nauka. S. 238–239. (in Russian)
32. Хорошкевич А.Л. 2001. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., Эдиториал УРСС. 336.
Khoroshkevich A.L. 2001. Rus' i Krym: ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv. M., Editorial URSS. 336. (in Russian)
33. Lietuvos metrika (1506–1539). 2011. Kn. 7. Vilnius, Lietuvos istorijos institutas. 1010.
34. Lietuvos Metrika (1499–1514). 1995. Kn. 8. Vilnius, Lietuvos istorijos institutas. 708.